

Ирина Одоховская

**СМЕХ КАК САМООТРАЖЕНИЕ И ДОРОГА
В ЗАЗЕРКАЛЬЕ**

Кто бывал в комнатах смеха или, как иногда называют эту разновидность развлечений, в «Королевстве кривых зеркал», помнит и лёгкие смешки, и раскатистые смеховые «гаммы», раздававшиеся вокруг, да и вы покатывались со смеху, глядя на свои отражения в зеркалах. Деформации тела были разнообразными и достаточно неожиданными: конфигурация его становилась то асимметричной, то абсолютно плоской, то непомерно вытянутой, то бочкоподобной. Причём искажения, являясь общими для всех посетителей, накладываясь на конкретного человека, приобретали индивидуальное выражение, и подобные несоответствия отражения оригиналам вызывали смех. Однако многих смущала мысль: может, это вовсе не искажения? И в других пространственно-временных измерениях мы таковы на самом деле? А если эти отображения – наша сущность, скрытая в повседневности за внешней формой? И тогда подлинность – там, в зазеркалье, а здесь иллюзия, кажимость... Цель данной статьи – раскрыть значение смеха в самоотражении сущности человека и в образовании особых пространств культуры.

В истории культуры зеркало приобрело различные смыслы поэтического, мистического, символического и научно-терминологического характера. Названия художественных произведений, имена героев нередко связаны с зеркалом как символом самоотражения и самопознания. Один из романов Джозефа Конрада называется «Зеркало морей», имя Тиль Уленшпигель (Ойлен-Шпигель) означает Зеркало Совы. Задача автора – показать основания разнообразных смеховых проявлений и особенностей прямого и зеркального отражений смеха.

С зеркальными отражениями связаны дошедшие до нас верования, приметы, предания, легенды, герметические традиции, эзотерические опыты. Одни из них входят в сюжеты хорошо известных сказок и воспринимаются с улыбкой, как, в частности, обращение пушкинской героини к всевидящему и всезнающему зеркальцу («Сказка о царевне и семи богатырях»). Другие становятся частью народных обычаев, среди которых гадания о

суженом перед зеркалом со свечами. Третьи доступны лишь посвящённым. В науке также присутствуют «зеркальные» темы, как, например, отражение звука (явление эхо), или же гипотеза об антимире, состоящем из противоположных нашему миру (зеркальных) элементов, но обладающих идентичными свойствами.

Смех, как реакция на ситуацию, событие или рефлексию и комическое в искусстве, является зеркальным отражением культурно-исторической эпохи и нашей индивидуальной, но социализированной сущности, взаимосвязи особенного и общечеловеческого. В этой связи представляется уместным показать злободневность некоторых сюжетов В. М. Дорошевича, известного в к. 19–н. 20 в. отечественного критика, фельетониста, сатирика.

В одном из юмористических рассказов, якобы представляющем очередную сказку Шахерезады, речь идёт о свойствах человеческой памяти надолго запоминать неприятные для одних, но смешные для посторонних ситуации, вследствие чего они становятся знаковыми. В день свадьбы с Гассана, богатого, умного и честного купца (что случается редко, ехидно отмечает автор) упали шаровары. Сгорая от стыда, купец бежал куда глаза глядят. Через десять лет, снова добившись богатства, став великим визирем, мудрым и благодетельным, он решил навестить родной город. И был поражён услышанным от первых же встреченных им людей: «ты родилась в тот год, когда у Гассана упали шаровары...». Все заслуги визиря для местных жителей не имели значения. Для них символом, знаком стал давний конфуз героя, мелкий случай, забавный для обывателей, с которого они вели летоисчисление, вписывая его в память потомков. И Гассан навсегда покинул родной город [2, с. 64–70].

В сатирическом зеркале нравов правящей верхушки (рассказ «Зелёная птица») отражена нетерпимость к инакомыслию. С целью пресечения негативных высказываний народа о представителях власти в жильё подданных были внедрены попугаи. Чиновники, узнавая от болтливых попугаев, что о власти думают хозяева, карали их насмерть (сажали на кол). Когда царство основательно опустело, а ропот и недовольство масс росли, угрожая благополучию придворных, не сумевших справиться с крамолой,

ввели новшество: птиц заменили новыми, научив их произносить хвалебные здравицы в честь своих властителей. Правители стали считать, что недовольство уничтожено, инакомыслия нет, а простые люди радовались, что их хотя бы не сажают на кол. Заканчивается рассказ язвительной репликой, понятной представителям различных культур, актуальной и в наше время: – «Так иногда голоса попугаев принимают за голос народа» [2, с. 184–194].

Смех, как самовыражение личности, отражает особенности её характера, направленность сознания, эмоциональную напряжённость, типологические признаки. Умилительный смех, вызываемый целующимися голубями или розой в каплях росы, характерен для сентиментальных людей, осмеяние любых ценностей присуще циникам. Объект смеха и то, **как** над ним смеются, свидетельствует об открытости или замкнутости, интеллектуальном и душевном уровне личностей, о диапазоне их этических и эстетических качеств, выявляя доброе и злое, низменное и возвышенное начало. Причина смеха и его выражение выдают людей уточнённых и грубых, умных и глупых, недалёких и пошлых, угодливых и романтических.

Мнительный человек смеётся осторожно, с остановками, как будто раздумывая, нет ли подвоха, не над ним ли, в конце концов, смеются. Смех кокетливых женщин отличается игривостью, соответствующей мимикой лица, глаз, движением рук. Флегматика рассмешить трудно, но смеяться он может от души, правда, недолго. Меланхолик смеётся сдержанно, вяло. Часто смех тревожный или грустный. А добродушные толстяки (толстушки) смеются заразительно, и гомерический хохот характерен для них, хотя, в ряде случаев, он охватывает типологически различных людей. По смеху мы узнаём подхалима и самодовольного сибарита, застенчивого человека и развязного пройдоху. Звуковое выражение смеха также отражает черты личности. Ха-ха – это, обычно, непосредственность и открытость. С трудом выведенное хм-хм – х...хи... – выдают личность замкнутую. Гы-гы – отличает зловерных, самодуров и хамов. Хи-хи, хе-хе – чаще всего характеризуют неестественный смех (не смешно, но за компанию, в знак вежливости притворюсь смеющимся). Так же нередко смеются и люди робкие, неуверенные в себе, угодливые или циники. Рокочущее, утробное хо-хо-хо по праву относится к грузным,

тучным мужчинам.

Мотивы смеха и его объект, в сочетании с заикленностью на нём выявляют склонность некоторых личностей к разного рода «фобиям» (разумеется, речь идёт о психически здоровых людях). Забавные приключения с альпинистами, парашютистами, горными туристами описывают разные люди, но особенно навязчивый интерес к таким рассказам проявляют те, кто боится высоты. Осмеяние и принижение «высотников» как бы компенсирует им этот недостаток, изгоняет страх. Те, у кого есть действительные или мнимые сексуальные проблемы, очень любят анекдоты, смешные истории именно по этой тематике, без конца повторяя одни и те же сюжеты. Люди несобранные, неряшливые часто с готовностью ищут повод подшутить, посмеяться над чистюлями.

Смех отражает сущностные черты человека, обнажая скрытые, неосознаваемые им свойства. Аутентичный смех, т. е. свободное и достаточно полное волеизъявление и самораскрытие являются определённым эталоном, предполагающим такую же, (или близкую к нему), степень самовыражения у других. Но люди не всегда искренни в смехе. Их может сковывать окружение, в котором они «не в своей тарелке», внешние стереотипы поведения, или внутренняя неготовность раскрыться, желание под смеховой маской скрыть свои чувства. Как у Рабиндроната Тагора (цитирую по памяти): Я хочу сказать тебе слова, / Самые глубокие в мире. / Но не решаюсь. / Из страха, что ты / будешь смеяться надо мной. / Поэтому смеюсь я, /И тайну свою / разбиваю на шутки. /Я играю своим страданием, /Боясь, что ты / станешь им играть.

Однако и сдержанный, натянутый холодный, неуместно буйный, или смех «сквозь слёзы», отражают внутреннее напряжение, состояние человеческой души, не всегда прозрачной и понятной другим. В смехе реализуется сложное и противоречивое единство открытости и сокренности, явного и тайного, раскованности и закомплексованности, естественного (психофизиологического) и искусственного, условного (культурно-знакового) феноменов. Среди различных функций смеха есть и этико-регулятивная. Смех влияет на нормы поведения и взаимоотношения людей, поддерживая их, утверждая или разрушая. Для конкретного индивида смех – предохранительный клапан, выпускающий «пар», т. е. снимающий напряжение,

усталость, раздражение, дающий выход скопившейся энергии. Этот условный клапан выполняет две задачи: атаки – эмоционального подъёма и выброса, – и защиты – успокоения, расслабления организма, – способствуя поддержке гомеостаза, психологического равновесия системы.

В смеховой культуре сосуществуют, переплетаясь и взаимодействуя, два мира: реальный, отражённый смехом напрямую, и перевёрнутый, зеркальный, создающий особое пространство и свои закономерности, плод нашей фантазии и воображения. Смех в пространстве реального, не перевёрнутого мира является результатом оценки собственных или совершённых другими людьми поступков и действий, выявленного несоответствия между ожидаемым и ставшим, подразумеваемым и реализованным. Причины смеха – в житейских коллизиях и их противоречиях, в забавных совпадениях, наименованиях, диалогах, языковых перлах, в разнообразных эпизодах индивидуальной жизни и социума. Смех напрямую вызывают и отдельные комические фрагменты картин живой и неживой природы. Всё это проявление естественного, но опосредованного культурой, смехового начала. В народном творчестве, в искусстве этот мир представляют анекдоты и приколы, комедия и сатира, эпиграммы и юморески и др.

В незеркальном мире существуют, например, реальные люди с несколько необычными фамилиями. В одной из газет приводился их длинный список. Вот некоторые: Нечуйвитер, Пивторадядька, Ковбаса, Нэдырычуб, Тягнырядно, Нечитайло, Нэтудыхата, Голоштанэнко, Убийвовк и т. д. Естественно, за каждой, столь интересной фамилией, какие-то истории, давние события. В некоторых случаях – это бывшие прозвища, полученные в конкретной ситуации или при вступлении в казачье войско.

В пространстве прямого смехового отражения находится и наш город. Улыбку и смех у гостей южной пальмиры вызывают особенности «одесского» языка, естественного для самих одесситов. Если вы, приехав в Одессу, услышали: «здравствуйте, я ваша тётя», – не думайте, что с вами вежливо поздоровались и вы обрели родственницу или родственника. (Так может сказать и мужчина). Таким образом вам было высказано несогласие,

неодобрение или лёгкое негодование. А выражение: «Ой, перестаньте сказать!» – вовсе не означает, что вам затыкают рот, не дают высказаться. Просто у собеседника другое мнение по теме разговора. В городе у моря живут коммунары (жители коммунальных квартир), бичи (безработные моряки), садисты (пенсионеры, проводящие время на скамьях городского сада, скверов, парков и бульваров). Страшны одесские клятвы «чтоб я так жил!» и проклятия – «чтоб у тебя всю жизнь был ремонт!». В многонациональной Одессе знают не одну, а две Большие разницы. Восклицают «Озохен-вей» (подумаешь, пустяки) и «халоймис» (барахло, ничего стоящего). Здесь переживают, рассказывают не о них, (о тебе), а **за** них, (**за** тебя). В гости не приходят, а входят. Любят «цимис» (мятая фасоль) и пшонку (качаны молодой вареной кукурузы). Одесситы «делают» базар и «ложат» детей спать. Возможно, малышам так удобней? – размышляют приезжие. Смеховое непереверённое пространство образуют комедийные сюжеты в художественной литературе, театральном искусстве, музыкальные шутки и комические образы в живописи и скульптуре.

В зазеркалье находятся клоуны, шуты, карикатурные персонажи, происходят фантастические истории, животные наделяются человеческими чертами, меняются смыслы и значения фраз, выражений, сюжетов и стилей. В зеркальном мире меняется знак, возможны всякие чудеса: левое становится правым, низ – верхом, с запретного снимается табу, принц может стать нищим, бандит – благородным человеком. В зазеркалье Алиса невероятно быстро растёт, или, наоборот, уменьшается, становясь крошечной. Там шахматная королева бежит, оставаясь на месте, а другой герой движется задом наперёд. В этом мире прописан и плюшевый мишка с опилками в голове, который по сообразительности превосходит мудрую сову, энергичного кролика, постоянно обиженного Иа-Иа. Когда Пятачок заявил, что кролик умный, у него есть мозг, последовала совершенно потрясающая фраза Винни-Пуха: я думаю, что именно поэтому он никогда ничего не понимает. В зазеркалье так и бывает. Правда, злые языки шутят: не только в зазеркалье... По мнению некоторых исследователей, Винни-Пух, несмотря на свою активность, типичный даос [3, с. 23]. Он не вмешивается в естественный ход событий, плывёт по

течению, прислушиваясь к себе и окружающему миру, не нарушая его законов. А когда Это приходит к мишке, появляются забавные песенки Винни-Пуха.

Конечно, в зазеркалье не всё наоборот. Поступки и действия персонажей этого смехового пространства не всегда карикатурны, а чудесные сказки не всегда хорошо заканчиваются. Связи между двумя мирами сложны и запутаны. Однако светлое, доброе в одном мире отражается таким же в другом, переходит в него. Но тёмное, злое – так же. И поскольку мы относимся к двум мирам, то живём чуточку и в зазеркалье.

Выделение двух смеховых миров, как и границ между ними, достаточно условны, хотя виды и жанры смехового искусства вписываются в эти измерения. Правда, иногда они принадлежат двум мирам, представляя по форме один, а по содержанию другой, либо находясь на их стыке. Народные игры с переодеваниями, буффонада и гротеск, карнавалы, построенные по принципу передразнивания, переворачивания, паясничания, выворачивания наизнанку действительности, безусловно, представляют зазеркалье. К ним же относятся так называемые перевёртыши, в которые заложен принцип обратного зеркального отображения.

Перевёртыши встречаются в различных видах искусства, математике, языке, народных играх и шутках. По своему содержанию и признакам они могут быть относительными (частичными) и полными. В первом случае нет строго зеркального совпадения изображения изображаемому или оно размыто, фрагментарно. Во втором соответствии достаточны однозначны. В зависимости от направленности отражений, их можно разделить на смысловые, звуковые, изобразительные, лингвистические, смешанные. В художественной литературе существуют целые рассказы, связанные с зеркальным отражением смысла. Один из английских авторов начинал рассказ словами: «Джонс годами разрабатывал теорию времени» и, продолжая зеркально изменять фразы и их смыслы, закончил так: «времени теория разрабатывала годами Джонса» [1, с. 64]. Известны и отечественные стихи-прибаутки с зеркальным изменением смысла: Ехала деревня мимо мужика./Вдруг из-под собаки лают ворота...

Перевёртыши, в которых ведущее место занимает звуковая

выразительность, представлены как в литературном творчестве, так и в музыке. Их встречаем, например, в скороговорках, каламбурах, поэзии футуристов и т. д. Отражённость, в данном случае, образует неожиданные игровые сочетания слов, основанные на звуковом сходстве при различных смыслах, и напоминающих иногда эхо: «Прокачу, качу, захочу – поколочу, или дам по калачу». «...Даже к финским скалам бурым/ Обращаюсь с каламбуром» (Д. Минаев). «Улицы–лица /Догов – годов» (В. Маяковский). Подобного рода слова и фразы вошли в шуточное стихотворение Х. Моргенштерна (немецкого поэта неоромантической школы к. 19–н. 20 в.) «Воронки». Очертания стихотворения имеют форму воронки. Другим ироническим стихотворением автор также придавал чёткий геометрический рисунок. В музыке представлены различные симметричные формы. Например, обращение в интервалах, т. е. изменение звуковых рядов на обратные. Если высота звука мелодии оригинала повышается, то в обращении она понижается на такой же интервал. При ракоходном («зеркальном» нотном письме) произведение проигрывается в обратном направлении. Иногда используют ракоходное отражение мелодии с обращением интервала и зеркально-ракоходное. Мастером применения различных способов отражения темы был Й. Гайдн. В его музыкальном полушуточном каноне «Ты должен целиком отдать себя искусству» использованы все названные выше способы отражения основной мелодии.

Распространены перевёртыши в языковых играх. В шуточном языке «оволс аз оволс» слова, предложения, фразы, даже рассказы составлены по принципу переворачивания букв или слов задом наперёд и читаются справа налево. На Руси подобным языком пользовались уличные торговцы и бурсаки. В детективном романе Р. Гарднера «Моль в норке» преступление раскрывается благодаря призывам о помощи, написанным зеркальным способом. Один из футуристов приходил на поэтические вечера с плакатом на «обратном» языке, выражающем его кредо: «адгесван илширп ым». Однако наиболее интересны палиндромы.

Палиндромы – это буквы, слова, фразы или цифры, которые одинаково читаются и слева направо и справа налево. Так цифры 0 и 8 отражённые в зеркале, прочитываются также.

Обратимы, т. е. сохраняют своё значение, с какой стороны их не читать и некоторые суммы чисел, даты. Таковы, например, 1881, 1991, 2002 и др. На свойствах палиндромов основаны некоторые шуточные задачи, числовые фокусы. Немало слов-палиндромов в языке. Например, имена Алла, Ада, Тит, Анна, слова: как, казак, шалаш, и т. д. Интересны комбинации: «лаз-зал», «топор-ропот», «дал-лад», дороден-недороден и др. Забавны фразы-перевёртыши. При их зеркальном чтении слова делятся на слоги иначе, чем при прямом. С детства мы помним фразы: «а роза упала на лапу Азора», «я иду с мечом судия», «а ругала баба балагура». Известны и такие палиндромы, как «а ремень не мера», «и пикантен и нет накипи», «кинь лед зебре бобер, бездельник», «изредка так дерзи» и др. Подобные фразы-палиндромы существуют во всех языках [1, с. 63].

Смеховое пространство в прямом и зеркальном отражении создают художественные приёмы, частичные, намеренные искажения сюжетов и смещение смыслов, использование их в противоположном общепринятому значении, и языковые игры. Переворачивание целого или его элементов, столкновение различных стилей, направлений, жанров, в одном тексте представляет широкие возможности для самовыражения авторов, решения их творческих задач, осуществления нового смыслополагания. Формы комического историчны. Гротеск стал больше приёмом, чем формой, выродились фарс, фаблю. Зато появился блэгг – беспощадная насмешка над прошлыми ценностями, гегг – юмористически представленные всякие ужасы.

Смех необходим. Вместе с тем следует помнить, что он не только лечит, но и ранит, уязвляет. Это острое оружие не всегда служит целям добра. Его используют в идеологических или личных, далеко не благих, целях. Становясь средством манипуляции, определённого зомбирования, такой смех обедняет духовный мир человека, ослабляет его интеллектуальный уровень, смещаются ориентиры добра и зла. Эмоционально-чувственная составляющая сознания испытывает либо искусственно создаваемое напряжение, либо снижение порога активности, ухудшается качественная сторона. Чтобы избежать таких последствий нужно избирательно относиться к подобным смеховым атакам или вовсе их избегать, сохраняя нервы, время,

интеллект. Следует осмеивать зло, но не смеяться во имя зла. Существует мера смеха, за пределами которой он становится неуместным, бессмысленным, безобразным. Предпочителен не навязанный извне смех, а естественный, идущий от души и сердца, отражающий полноту бытия, гармонию мира. Смех, будучи часто выражением радости, в то же время и её источник, помогающий жить. Благодаря смеху и умению смеяться мы способны расцветить мир радужными красками хорошего настроения и надежд. Ведь свет побеждает тьму.

В заключение отметим, что типология смеховых проявлений, а также выделение и анализ двух условных смеховых миров позволяет выявить различия в механизмах смехообразования, принципах построения юмористических жанров.

2. Гильде В. Зеркальный мир – М.,1982.
3. Дорошевич В. М. На смех. // Юмористические рассказы – СПб.,1912.
4. Молчанов В. И. Хайдеггер, Дао и Винни-Пух // Проблема человека в истории философии (на стыке запад-восток). Тезисы докладов. – Вильнюс, 1984.